

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5230

Воскресенье, 4-го марта 1901 г.

№ 5230.

Принцъ-регентъ
Луитпольдъ Баварскій.
(По поводу 80-тилѣтняго рожденія.)

Генералъ-адъютантъ
адмиралъ Павелъ Александровичъ Перелешинъ,
† 23 февраля 1901 г.

Трудь.

Романъ Э. Зола.
(Продолженіе)

— Если-бы вы знали, какъ васъ сожалѣютъ! — сказалъ Люкъ.

Она живо возмущалась и прошептала:

— Когда я думаю, я страдаю, что васъ нѣтъ здѣсь, гдѣ столько дѣла!

Въ это время прибѣжалъ семилѣтній Поль, веселый, улыбающійся. Люкъ былъ пораженъ его развитымъ видомъ.

Во время братской, нѣжной бесѣды Сюзанны и Люка къ ней подошелъ Буажленъ, гладко выбритый, корректный, съ моноклемъ въ глазу. Бросивъ привѣтствіе Люку, онъ обратился къ Сюзаннѣ.

— Прикажите, дорогая, послать прислугу за господами Делаво.

Вскорѣ Фернанда пришла со своимъ мужемъ.

Съ виду казалось, что обѣ женщины даже дружны. Только въ тотъ моментъ, когда Буажленъ проявлялъ особое вниманіе Фернадѣ, у Сюзанны замѣтно было легкое возмущеніе въ глазахъ.

Вскорѣ въ салонъ Буажленовъ стали собираться многочисленные гости. За столомъ, на которомъ находилось пятьдесятъ кувертовъ, Люкъ усѣлся между Фернадой и Делаво. Противъ обычая Фернанда сѣла по лѣвую сторону

Буажлену, тогда какъ это мѣсто всегда принадлежало супругѣ мера господѣ Гурье, которую посадили возлѣ ея друга су-префекта Шатзара. Последній занималъ почетное мѣсто вблизи Сюзанны, имѣвшей по правую руку президента Гома. Послѣ фаршированныхъ яицъ, за которыми слѣдовала сотерия, завязался разговоръ; заговорили о хлѣбѣ, который изготавляется въ Боклежѣ.]

— Я не могъ къ нему привыкнуть, — сказалъ Буажленъ. — Даже самый лучший ихъ хлѣбъ неудобоваримъ; я получаю для себя хлѣбъ изъ Парижа.

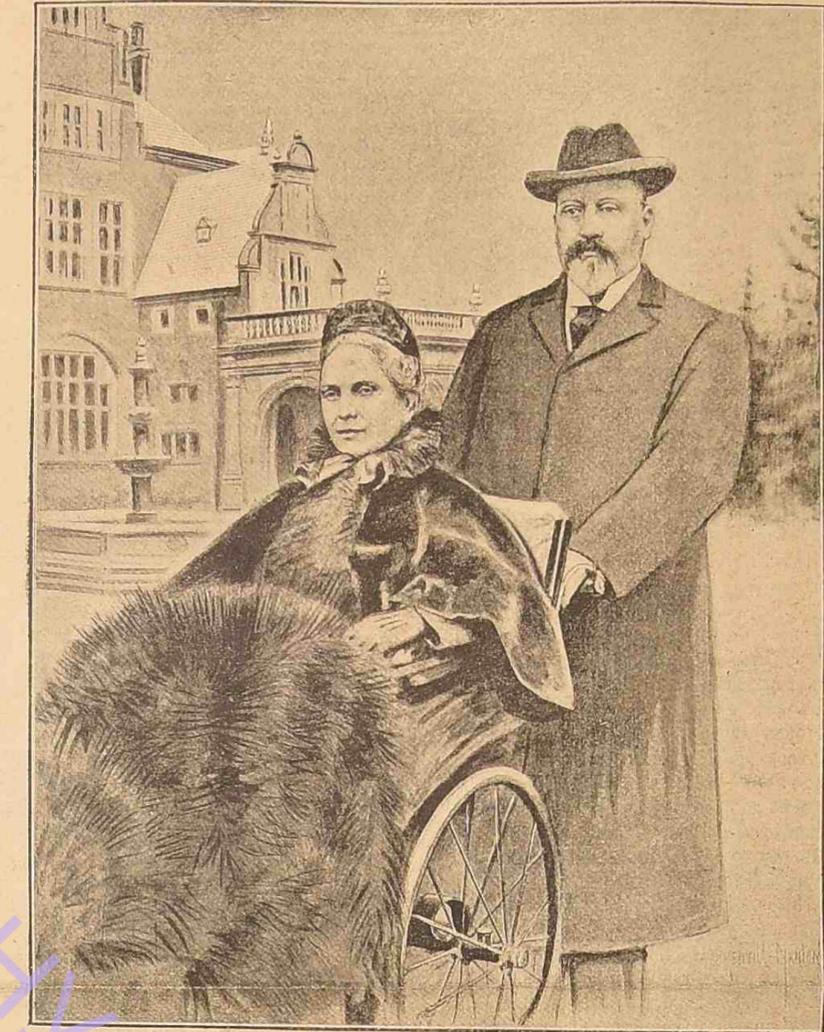
Фернанда на это заявленіе вдругъ воскликнула:

— Знаете, вчера вечеромъ разграбили булочную на улицѣ Бріа.

Люкъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— О, сударыня, разграбили!.. Я былъ тамъ. Несчастный ребенокъ укралъ хлѣбъ.

— Мы также были тамъ, за-

Король Эдуардъ и императрица Викторія въ Кронбергѣ.
Во время пребыванія въ Кронбергѣ король Эдуардъ часто возилъ свою больную сестру въ подвижномъ креслѣ.

явилъ капитанъ Жюлье. Очень жаль, что мальчишка не былъ арестованъ, по крайней мѣрѣ, для острастки.

— Несомнѣнно, несомнѣнно, — возразилъ Буажленъ. — Со времени послѣдней проклятой стачки, кражи происходятъ очень часто. Мыъ рассказывали объ одной женщинѣ, которая взломала кассу мясника. Всѣ торговцы жалуются, что босыки наполняютъ свои карманы ихъ товаромъ. Наша новая красивая тюрьма наполняется теперь этимъ народомъ, не правда ли, г. президентъ?

Гомъ уже собирался отвѣтить, но Жюлье перебилъ его и продолжалъ:

— Да, безнаказанное воровство порождаетъ грабежъ, убійство. Настроеніе рабочаго класса становится ужаснымъ. Развѣ вчера вечеромъ вы не замѣтили этого духа мятежа, угрозы? Анархистъ прямо сказалъ,

что онъ намѣренъ сдѣлать. Онъ кричалъ, что взорветъ Боклежъ и смететъ съ лица земли его развалины. Но теперь, можно надѣяться, его уберутъ куда слѣдуетъ.

Разсказъ Жюлье немного смутилъ всѣхъ. Наступила непріятная пауза. Делаво постыдился нарушить ее:

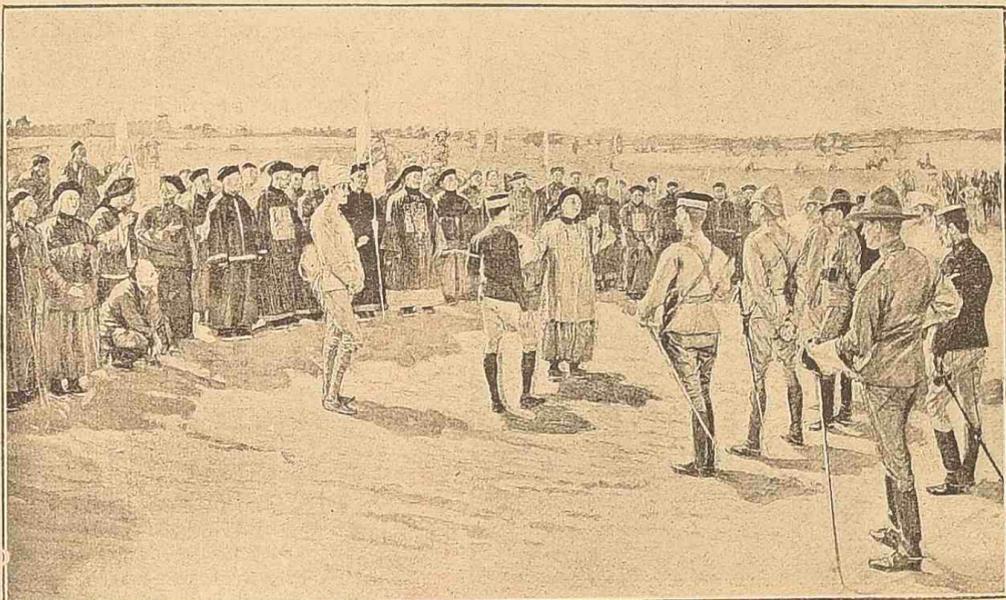
— Лаиръ дѣйствительно буйный субъектъ. Капитанъ правъ: берегите его, пока онъ у васъ въ рукахъ.

Президентъ Гомъ покачалъ головой и съ суровымъ видомъ сказалъ:

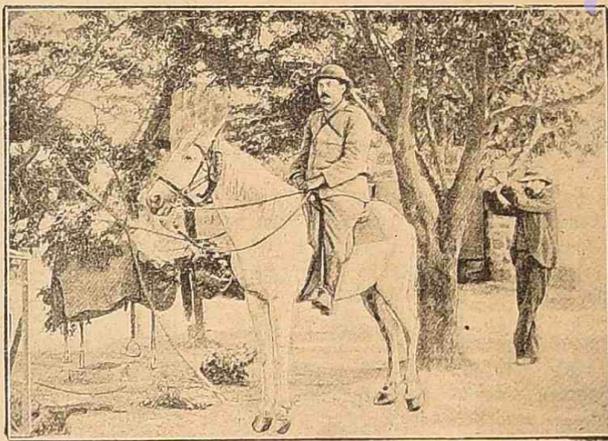
— Я долженъ вамъ сообщить, что сегодня утромъ, по моему совѣту, судебный слѣдователь послѣ простого допроса рѣшился отпустить этого человѣка.

Въ комнатѣ раздались голоса, скрытые подъ маской шутки, исплинный ужасъ — О, г. президентъ, вы хотите, чтобы всѣхъ насъ перерѣзали.

Гомъ отвѣтилъ медленнымъ движеніемъ руки, которое могло означать очень мно-

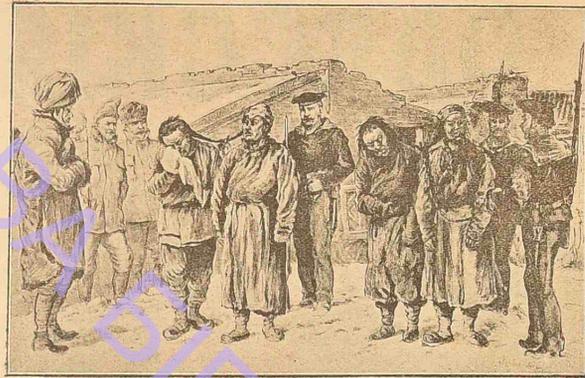
СОБЫТІЯ ВЪ КИТАѢ. — Мандарины Паэтинфу просятъ трехдневнаго перемирія у международнаго экспедиціоннаго отряда.

Генералъ Бота, главнокомандующій буровъ, въ настоящее время, вступившій въ мирные переговоры съ Китченеромъ.

СОБЫТІЯ ВЪ КИТАѢ.—Составъ интернаціональной почты.

СОБЫТІЯ ВЪ КИТАѢ.—Шаньа боксеровъ-воровъ, задержанныхъ австріійскими солдатами.

гов. Жюльи притихъ, кусая усы, не желая вступать въ споръ съ будущимъ тестемъ. Но су-префектъ, до сихъ поръ только улыбавшійся, воскликнулъ:

— О, я васъ понимаю, г. президентъ. Вы сдѣлали то, что называется прехорошной политикой. Масса въ Боксеръ вовсе не настроена хуже, чѣмъ въ другія мѣста. Вездѣ царитъ одинъ духъ; необходимо къ нему приспособиться, и самое лучшее продать по возможности теперешнее положеніе вещей, потому что въ тотъ день, когда начнутся измѣненія, будетъ гораздо хуже. Вы видите, закончилъ онъ,—что эта злосчастная штука, которая насъ такъ тревожила, закончилась совершенно благополучно.

Мать Гурье не обладала способностью сносить во всему съ философскою пропойей, по добно су-префекту, и хотя она находилась въ дружескихъ отношеніяхъ, но онъ счелъ необходимымъ protestоваться.

— Позвольте, позвольте, мой другъ, чрезвычныя уступки приведутъ насъ слишкомъ далеко. Я знаю рабочихъ, я ихъ люблю, я старый республиканецъ, старый демократъ. И если даже признать за рабочими право улучшить свою судьбу, то никогда нельзя согласиться съ революціонными теоріями, съ этими коллективистскими идеями, которыя полагаютъ предвѣдъ всякому цивилизованному обществу. Я съ своей стороны все сдѣлаю для рабочихъ на моей фабрикѣ: кассу взаимопомощи, пенсіонную кассу, дешовыя жилища, всевозможныя удобства... Чего же они еще хотятъ? Положительно, его конецъ міра, не правда-ли, г. Делаво?

Директоръ «Бездны», предаваясь въ слъ большому аплетитомъ, до сихъ поръ не вытѣшивался въ разговоръ.

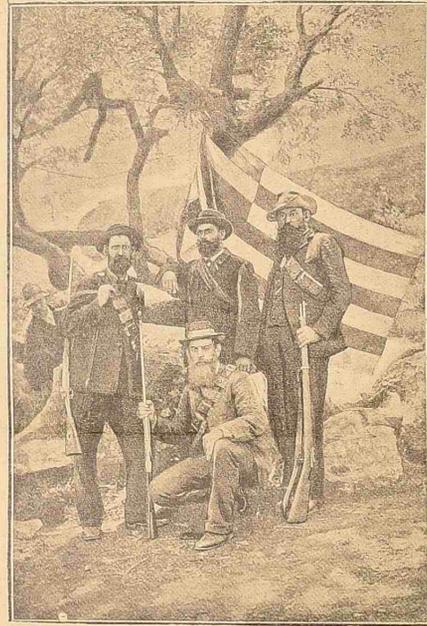
— Ну, конецъ міра,—сказалъ онъ спокойно,—я надѣюсь, что мы не допустимъ этого конца безъ борьбы. Я соглашаюсь съ мнѣніемъ г. су-префекта: за-бастовка окончилась очень благополучно. И у меня имѣется даже пріятная новость: Боньеръ коллективистъ, знаете, вожакъ, котораго и долженъ былъ принять обратно, самъ вчера вечеромъ бросилъ фабрику. Прехорошнейшей работой, но что подѣлаете — буйная голова, опасный фантазеръ. О, фантазія всегда ведетъ насъ въ бездну! Онъ продолжалъ, стараясь казаться очень справедливымъ, лояльнымъ. Каждый имѣетъ право защищать свои интересы. Въ это время два лака обносили блюда съ жареными куропатками, между тѣмъ какъ дворецкіи предлагали гостямъ вино.

— Итакъ, сказалъ Буажленъ снисходительно, ты мнѣ кажешься, что мы не вернемся къ картовскому режиму, и что мы можемъ быть утѣшены совѣсти тѣхъ крыльшихъ этой куропатки?

Шутка эта сопровождалась взрывомъ смѣха.

— Клянусь тебѣ, сказалъ весело Делаво, смѣясь вмѣстѣ съ другими. Они и былъ спокоенъ; революція, которая унесетъ твою ренту, еще не наступитъ завтра.

Люккъ молчалъ и чувствовалъ, какъ сердце его сильно бьется. Его возмущали эти разговоры, и онъ свое вниманіе сосредоточилъ теперь на Феранцѣ, его собесѣдникѣ, которая, повидному, была очень заинтересована этими разговорами. Она чувствовала, что неудача рабочихъ

Генер. Кротцингеръ. Полков. Девель. Генер. Герцогъ. Генераль. Деларей.

Предводители Бурскихъ войскъ.

дать ей новый притокъ денегъ.

— Шправда-ли, въ су-префектурѣ готовятся благотворительный праздникъ,—спросила Сюзанна у Шателара.—Поговоримъ, пожалуйста, о чемъ либо другомъ, кромѣ политики.

Су-префектъ тотчасъ же согласился съ ней.

— Конечно, мы ведемъ себя непростительно... Я устрою, сударыня, праздникъ, какой вамъ будетъ угодно.

Съ этой минуты разговоръ раздробился, и каждый вернулся къ тому, что его интересовало. Но затѣмъ въ тотъ моментъ, когда подавали страсбургскій пирогъ, раздался гомлъ госпожи Мазель,

Депутатъ О'Доннелль произноситъ въ англійскомъ парламентѣ рѣчь на ирландскомъ языкѣ.

до тѣхъ поръ занятой исключительно ждой, такъ какъ ей болѣзнь требовала усиленнаго питанія. Сидѣвшій возлѣ ней Буажленъ былъ настолько занятъ Ферандой, что совершенно не замѣчалъ ее, и она обратилась къ марту Гурье, которому стала рассказывать о своемъ хозяйствѣ, о своихъ воспитательныхъ планахъ, о своей дочери Луизѣ.

— Я не хочу, чтобы ее мучили науками. Она у насъ единственная дочь и получитъ все наследство.

Люккъ захохоталъ пошутить, и онъ просто сказалъ:

— Вы не знаете, сударыня, что собираются отнять право на наследство? О, это будетъ очень скоро, какъ только будетъ организовано новое общество.

За столомъ поняли, что онъ шутитъ, и все стали его поддерживать. Встрѣженный Мазель поспѣшилъ успокоить свою жену, сказавъ, что ихъ состояніе заключается въ государственныхъ бумагахъ, а къ гробу государственнаго банка никто не посягнетъ пркоснуться.

— Вы ошибаетесь, сударь,—сказалъ спокойно Люккъ,—гробушекъ будетъ сожжены, и рента уничтожена. Это уже рѣшено.

Супруги Мазели чуть не потеряли сознание. Они имѣли до того разстроенный видъ, что Шателаръ поспѣшилъ ихъ разувѣрить, повернувшись при этомъ къ дѣтскому столу, гдѣ, несмотря на образцовый примѣръ Поля, обѣ дѣвочки, Ница и Луиза, вели себя не совсемъ хорошо.

— Нѣтъ, нѣтъ, это будетъ не завтра; ваша дочь успеетъ подрости и имѣть даже своихъ дѣтей... Но во всякомъ случаѣ теперь сдѣлаю-бы ей утереть свое личико, такъ какъ оно все намазано кремомъ.

За столомъ продолжали смѣяться и шутить.

— Республиканка совершитъ самоубійство въ тотъ день, когда она посягнетъ на право собственности,—сказалъ мартъ. — Есть законы, которыми держится все на свѣтѣ,—замѣтилъ президентъ Гомъ.

Во всякомъ случаѣ армія бодрствуетъ, и не позволитъ торжествовать этимъ негодямъ,—сказалъ капитанъ Жюльи.

— На все воля Божья,—усоповательно замѣтилъ аббатъ Маръ.

Подали десертъ. Весь столъ былъ уставленъ кремами, пирогами, великолѣпными фруктами.

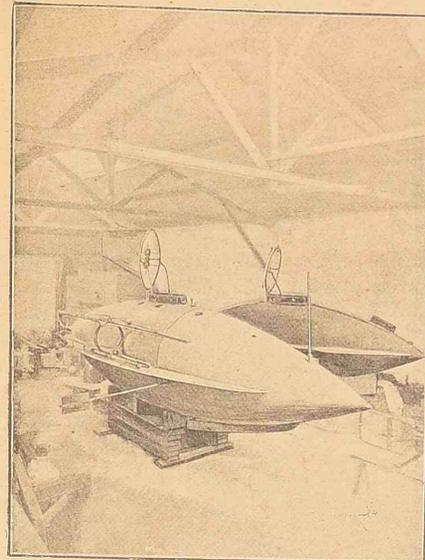
(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИВЪ ИЛИ УМЕРЪ?

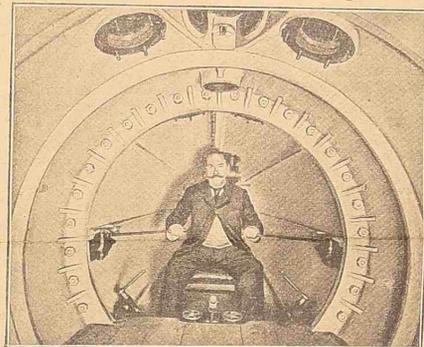
Новый рассказъ Марка Твэна *).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1892 года я жилъ въ Ментонѣ, на берегу Средиземнаго моря. Въ этомъ удивительномъ мѣстечкѣ пользуюсь частнымъ образомъ всеми благами, которыя имѣются для публичнаго

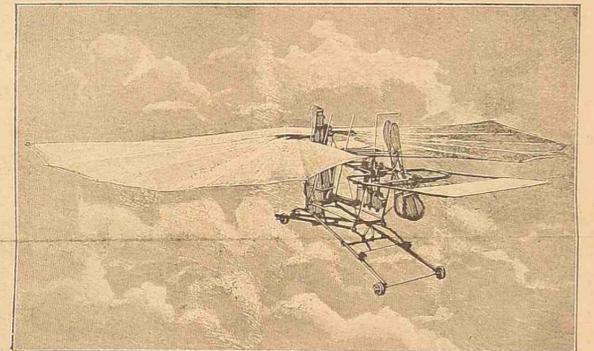
* Переводъ „В. Ин. Л.“

Французскія подводныя лодки „Губз I“ и „Губз II“.

Какъ подводная лодка «Губз» управляется.

Новый воздухоплавательный аппаратъ Гоффмана.

ей становится все жалобѣе, слабѣе и наконецъ, она умираетъ. Мальчикъ приходитъ, застаетъ птичку мертвой, страшно кается въ своей забывчивости, горько плачетъ, созываетъ товарищей, и они съ самой пылкой печалью и со всевозможной пышностью устраиваютъ птицѣ торжественныя похороны, а того не знаютъ, бдѣвляжи, что не одни ребята морятъ съ голоду постова, а потомъ тратятъ на ихъ погребеніе и памятники столько денегъ, что покойникъ могъ бы на нихъ прожить прижизненно. И потъ...

Тутъ кто-то насъ прервалъ. Вечеромъ, часовъ около девяти я опять встрѣтилъ Смита, и онъ пригласилъ меня наверхъ къ себѣ вмѣстѣ покурить и выпить шотландскаго горячаго. У него оказалось очень уютно: спокойная кресла, свѣтлая лампа и пріятный огонекъ въ открытой каминѣ, гдѣ горѣли сухія ольховыя дрова. Въ дополненіе гармоніи, снаружи доносился тихій гулъ прибоя. После второй рюмки шотландскаго и довольно продолжительной и пріятной батовни Смитъ сказалъ:

— Ну, теперь мы съ вами достаточно подготовлены, я — для разсказа любопытной исторіи, а вы — для слушанья. Это секретъ, который мы скрываемъ много лѣтъ, секретъ между мною и тремя другими, но я сейчасъ нарушу нашу тайну ради васъ. Хорошо-ли вамъ сидѣть? — Отлично. Продолжайте.

льзованія въ Монте-Карло и въ Ниццѣ, за нѣсколько миль, подаемъ: тѣ же потоки солнечнаго свѣта, тотъ же благовоитѣльный воздухъ, та же ясная лазурь моря, только безъ шума и пестроты, безъ сумятицы суетной толпы. Ментона—тихо, спокойное мѣсто, безъ претензій: тутъ можно отдохнуть; богатство и моды сюда не стремятся. То есть, вообще говоря, здѣсь не живутъ богачи, но иногда навѣщаютъ; съ однимъ изъ нихъ я даже познакомился. Чтобы отчасти скрыть его подлинное имя, я буду звать его Смитомъ. Однажды въ Англійскомъ отелѣ за вторымъ завтракомъ онъ сказалъ мнѣ:

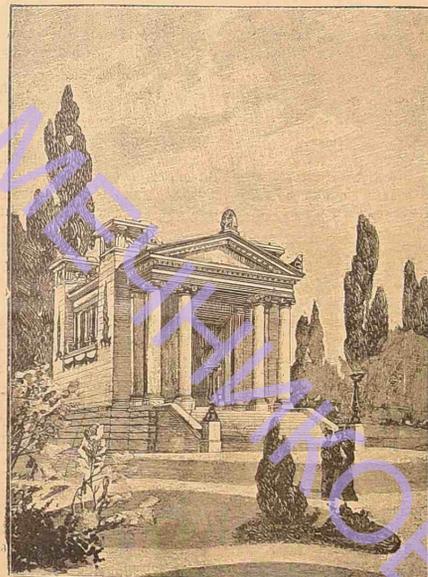
— Скорѣй! Обернитесь и взгляните на господина, который уходитъ изъ зала. Замѣтьте его хорошенько.

— Замѣть? — Да вы знаете ли, кто это? — Знаю. Онъ жилъ здѣсь нѣсколько дней до вашего прѣзда. Онъ старикъ, удалившійся отъ дѣлъ, очень богатый фабрикантъ шелковыхъ матерій, изъ Лиона, говорятъ, я думаю, что онъ совсѣмъ одинокой человѣкъ, судя потому, что у него такой печальный, разсѣянный видъ; вѣчно задумчивъ и ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Его имя Теовальдъ Маньянъ.

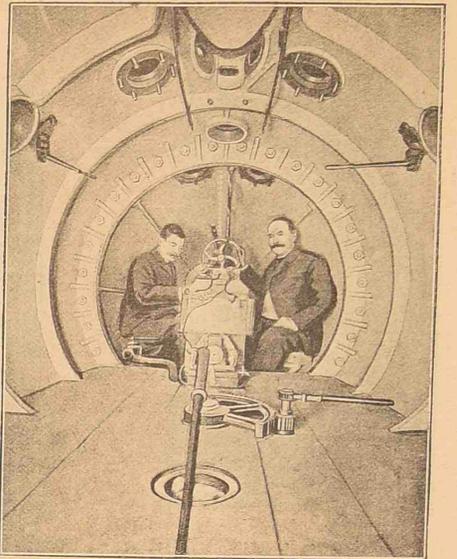
Я ожидалъ, что Смитъ сейчасъ скажетъ, почему онъ такъ сильно интересуется господиномъ Маньяномъ, но вмѣсто того онъ самъ впадалъ въ глубокое раздумье и на нѣсколько минутъ видимо позабылъ обо мнѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Отъ времени до времени онъ проводилъ пальцами по своимъ шелковымъ съдѣмъ волосямъ,—какъ будто припоминалъ что-то, а завтракъ его между тѣмъ совсѣмъ простылъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, начисто позабылъ. Совсѣмъ не могу припомнить.

— Чего не можете припомнить? — У Ганса Андерсена есть такая прелестная сказка. Но я ее позабылъ.

Новый крематоріумъ (для сжиганія труповъ) въ Мангеймѣ.

Какъ подводная лодка „Губз“ управляется.

Повѣтъ что онъ мнѣ рассказывалъ: — Тому назалъ... много лѣтъ я былъ юнымъ художникомъ, т. е. даже очень юнымъ художникомъ, и скитался я по французскимъ деревнямъ, срисовывая этюды то тутъ, то тамъ; вскорѣ примкнула ко мнѣ пара молодыхъ французскъ,

это были чудеснѣйшіе ребята и занимались тѣмъ-же, чѣмъ и я. Мы отлично зажили втроемъ и были столь же веселы, какъ и бѣдны, или столь же бѣдны, какъ веселы. — Это какъ угодно. Клодъ Ферраръ и Шарль Буажанъ—такъ звали этихъ славныхъ ребятъ, мохъ мнѣйшихъ товарищей—были до такой степени благодушны и жизнерадостны, что готовы были поднимать на смѣхъ и бдѣдость, и скверную погоду.

— Наконецъ, въ одной бретонской деревушкѣ мы окончательно сѣли на мель, и принявъ насъ къ себѣ и буквально спасъ отъ голодной смерти Франсуа Милла?

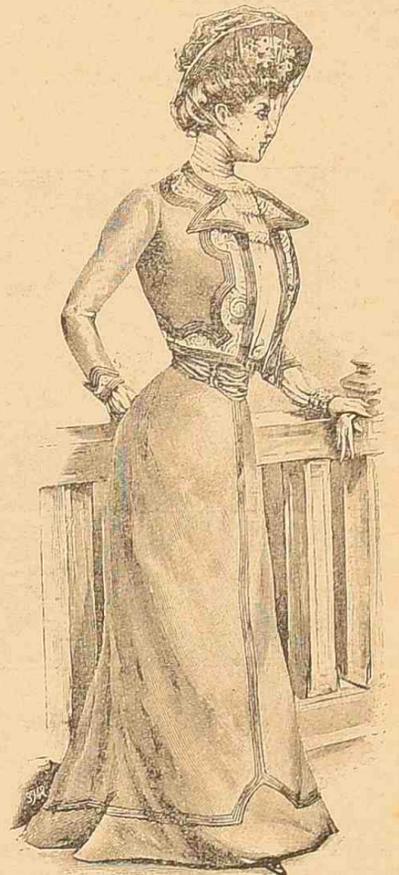
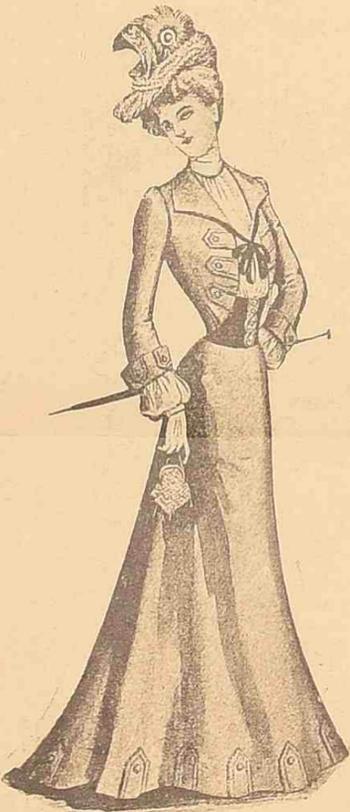
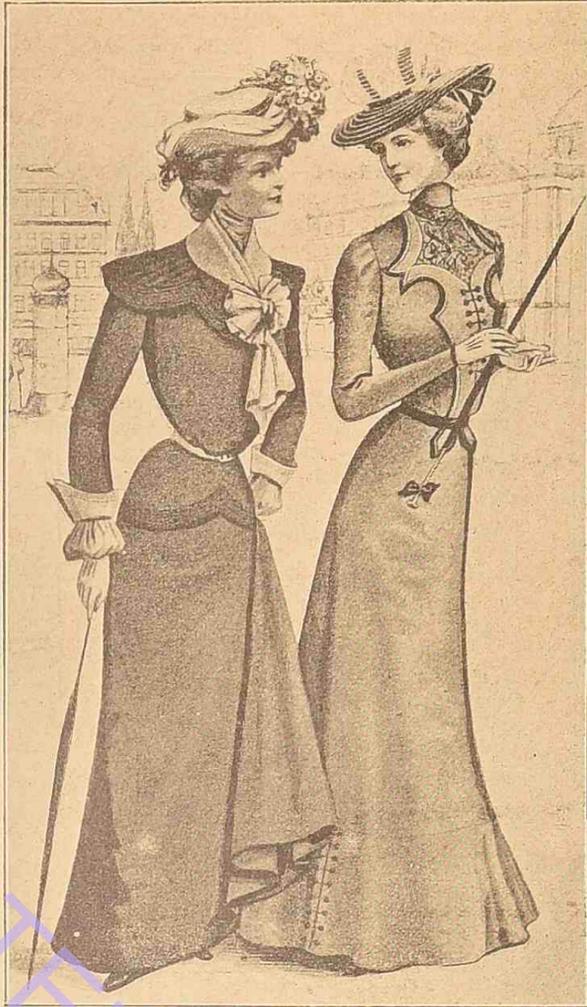
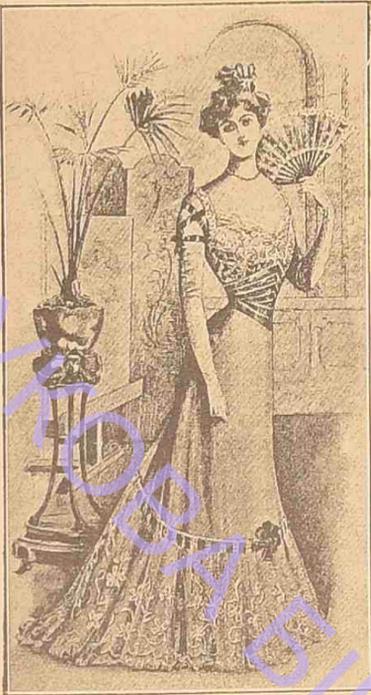
— Какъ! Самъ великій, знаменитый Милла?

— Великій? Въ то время онъ былъ ничуть не болѣе великъ, чѣмъ мы, и знаменитостью не пользовался даже въ своей родной деревушкѣ, а бдѣнь былъ такъ, что не могъ насъ кормить ничѣмъ, кромѣ рѣны, а потомъ и рѣны то у насъ иногда не было. И вотъ мы покружились, и все четверо такъ сблизились, такъ привязались другъ къ другу, что стали неразлучны. Мы вмѣстѣ писали картины, одну за другой, усердно работая; у насъ накопились кучи картинъ и этюдовъ, но рѣдко удавалось что-нибудь сбыть съ рукъ. Тѣмъ не менѣе мы чудесно проводили время, но... Боже мой, до чего круто приходилось подчасъ.

Такъ шло года два. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день Клодъ говоритъ:

— Ну, братцы, намъ крышка. Понимаете вы это? Ничего, то есть рѣшительно ничего нѣтъ. Противъ насъ стачка: я всю деревню обогрѣлъ, и хотъ-бы что... Никто ни на сантимъ не дастъ въ долгъ; говорять, пускай сперва старые долги очистятъ.

— Насъ точно холодной водой обдало. На всѣхъ лицахъ были досада и недоумѣніе.

„Нормальный“ дамскій костюмъ.

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

Каждый понялъ, что положеніе отчаянное. Мы долго молчали. Наконецъ Миллэ сказалъ со вздохомъ:

— Миѣ что-то ничего въ голову не лѣзетъ. Придумайте вы что-нибудь, братцы. Отвѣта не было, если не считать отвѣтомъ печальнаго безмолвія. Шарль вскочилъ съ мѣста и нервно зашагалъ назадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ говорить:

— Вѣдь это позоръ! Посмотрите на эти полотна: вѣдь тутъ цѣлыя кучи картинъ, которыя ничѣмъ не хуже тѣхъ, что лишутся теперь во всей Европѣ и гдѣ бы то ни было. Сколько у насъ перебывало зрителей, и всѣ признають это, или почти всѣ, во всякомъ случаѣ.

— Признають да не покупають, — молвилъ Миллэ.

— Что же за бѣда, а все-таки они это говорили; а главное, это правда. Посмотри на твой «Angelus». Кто можетъ сказать...

— Э, Шарль, не очень расхваливай мой «Angelus!» Миѣ за него давали пять франковъ...

— Когда?

— Кто это давалъ?

— Куда онъ дѣвался?

— Почему же ты не продалъ?

— Ну, не говорите же всѣ разомъ. Я думалъ, что онъ больше дастъ... даже увѣренъ былъ въ этомъ... Онъ такъ смотрѣлъ на эту картину!.. Я и запросилъ

восемь франковъ...

— Ну, и что же?

— Онъ сказалъ, что послѣ зайдетъ.

— Громъ и молнія! Что ты надблалъ, Франсуа!

— О, я знаю, знаю, что глупость сдѣлалъ. Я дуракъ. Я думалъ, братцы, что такъ лучше будетъ... хотѣлось и характеръ выдержать, и вообще... Вы пожалуйста, не думайте, что я...

— Ну, вотъ еще, что за вздоръ, точно мы тебя не знаемъ, дружище! Только ты въ другой разъ не сдѣлай такой глупости.

— Я-то? Пусть-бы кто-нибудь пришелъ сейчасъ и предложилъ миѣ за эту картину кочанъ капусты, такъ я...

— Кочанъ капусты... Ой, не говори, у меня слюнки потекутъ! Ты бы назвалъ что-нибудь менѣе заманчивое.

— Братцы, — сказалъ Шарль, — вѣдь эти картины не лишены достоинствъ? Скажите-ка откровенно.

— Вѣтъ, не лишены!

— Не правильнѣе-ли будетъ сказать, что онъ имѣютъ великія и крупныя достоинства? Ну-ка, скажите.

— Имѣютъ!

— Достоинства столь крупныя, столь возвышенныя, что, будь онъ подписанъ извѣстнымъ именемъ, можно-бы ихъ продать по высокимъ цѣнамъ, такъ ли?

— Конечно, такъ. Въ этомъ-то и нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Вѣдь я это говорю не шутя, вы замѣтите, что я всерьезно спрашиваю, такъ ли это?

— Самой собой разумѣется, что такъ, и мы тоже не шутимъ. Но что-жъ изъ этого? Намъ-то какой отъ того прокъ?

— А вотъ какой, друзья мои: подпишемъ-ка подъ ними извѣстное имя.

Оживленный разговоръ оборвался. Всѣ вопросительно смотрѣли на Шарля. Что за странную загадку онъ намъ загадалъ? Гдѣ же намъ взять извѣстное имя? И кто изъ насъ пойдетъ его занимать?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новыя подводныя лодки во Франціи.

Нигдѣ въ Европѣ дѣло подводнаго плаванія для военныхъ цѣлей не достигло такого совершенства, какъ во Франціи. Французское морское вѣдомство съ прошлаго года располагаетъ цѣлой флотиліей стационарирующихъ въ тулонскомъ портѣ подводныхъ лодокъ разныхъ типовъ. Последнимъ словомъ техники въ этой области являются лодки «Губэ I» и «Губэ II», фотографическіе снимки съ которыхъ воспроизведены нами въ настоящемъ номерѣ. Обѣ названныя лодки, принадлежащія къ одному типу, имѣютъ око-

ло 8 метровъ длины и 2 метровъ наибольшей ширины, при водоизмѣщеніи въ 10 тоннъ. Лодки—овальной формы съ заостренными концами. Электромоторъ, исполняющій на нихъ всѣ работы, даетъ около 30 силъ и вѣситъ всего 800 килограммовъ. Экипажъ лодки состоитъ только изъ трехъ людей: капитана, машиниста и рулевого. Важнѣйшія достоинства этихъ лодокъ—ихъ чрезвычайная легкость и подвижность. Свободно оставаясь подъ водой въ теченіи шести часовъ, онѣ на всякой глубинѣ двигаются со скоростью 12 узловъ въ часъ. Поднявъ подъ водою къ неприятельскимъ броненосцамъ, онѣ поднимаются на поверхность воды всего на одну минуту для надлежащаго прицѣла, и тотчасъ-же уходятъ подъ воду, прежде чѣмъ неприятель успѣетъ ихъ замѣтить и направить на нихъ огонь своихъ орудій. Очутившись снова на глубинѣ, капитанъ лодки бросаетъ торпеду, раньше чѣмъ послѣднее успѣетъ уйти. Въ ту самую минуту, какъ капитанъ пускаетъ въ неприятельское судно свой убійственный снарядъ, машинистъ даетъ уже контръ-паръ, и лодка быстро удаляется, для того чтобы избѣгнуть губительныхъ послѣдствій произведеннаго ею взрыва и поспѣе уйти изъ опаснаго водоворота, вызваннаго страшнымъ взрывомъ.